

розгляд специфіки конфліктних міжкультурних комунікацій Купера із популярною культурою і масовим мистецтвом надає можливість суттєвого уточнення і поглиблення наукових знань про особливості побутування літературних явищ і процесів у ментальному, духовому просторі доби, в котрому поміж соціальною і літературною царинами буття відбувається комунікація між «формами знання» (М. Фуко), ідеями, гаслами й риторичними фігурами. Виникає можливість принципово нового теоретичного, історико-літературного потрактування феномену національного північноамериканського романтизму, перспектива розуміння його естетичної, художньої сутності, релевантної національним умовам і обставинам соціально-політичного, культурального буття.

Література:

1. Cooper J. F. Home as found / James Fenimore Cooper. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Pub., 2009. – 335 p.
2. Cooper J. F. The American Democrat / James Fenimore Cooper. – New York : Funk & Wagnalls, 1969 – 184 p.
3. Cooper J. F. The Pathfinder / James Fenimore Cooper. – New York : Signet Classics, 2006. – 510 p.
4. Franklin W. James Fenimore Cooper: The Early Years / Wayne Franklin. – New Haven : Yale University Press, 2007. – 752 p.
5. Rowe J. C. The New American Studies (Critical American Studies) / John Carlos Rowe. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2002. – 288 p.
6. Tompkins J. Sensational Designs: The Cultural Work of American Fiction / Jane Tompkins. – New York : Oxford, 1985. – 236 p.

УДК 821.161.1-32(092)»19»(043.3)

И. М. Ковальчук,

Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова, г. Киев

ЧЕХОВСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО

Чеховские мотивы в творчестве С. Д. Кржижановского. Ковальчук И. М. В статье представлен анализ новеллистики С. Д. Кржижановского с точки зрения продления и преломления чеховской традиции. В частности, рассматриваются мотивы: безнадежности, замкнутого пространства, однообразия (повторяемости), бесполезности человеческого существования, потрясения, нереализованности желаемого и др. Сопоставляются также тип персонажа и мотивные структуры обоих писателей.

Ключевые слова: чеховский мотив, структура мотивов, тип персонажа.

CHEKHOV'S MOTIFS IN S. D. KRZHIZHANOVSKY'S WORKS

The creative principles and techniques of Anton Chekhov are attractive to modern writers. Chekhov's works present serious psychological issues and world-view questions, among them: hopelessness, dreaminess, reticence, unrealized desirable purposes, foolish human, ordinary person. His works have inspired many foreign (George Bernard Shaw, Ernest Hemingway, Virginia Woolf and others) and Russian (Vladimir Tendryakov, Sasha Sokolov, Victor Pelevin and others) authors. S. D. Krzhizhanovsky (the Russian modernist) used the Chekhov's motifs in his works too. For example Krzhizhanovsky's character-dreamer (who often speaks about stars like Chekhov's character) little by little turns into average man («Square of Pegasus»). The main Chekhov's motif in the story «The Man in a Case» goes through different Krzhizhanovsky's short stories («Quadraturin», «Square of Pegasus», «The Lost Player») expressed by the words: box, matchbox, sun blind, square, rectangle, to close, to shut, door bolt and others. Motif of continuity monotony of life are presented in some Krzhizhanovsky's short stories: «Square of Pegasus», «Runaway Fingers».

Keywords: Chekhov's motifs, motif structure, type of character.

ЧЕХОВСЬКІ МОТИВИ У ТВОРЧОСТІ С. Д. КРЖИЖАНОВСЬКОГО

У статті представлено аналіз новелістики С. Д. Кржижановського з точки зору продовження та преломлення чеховської традиції. Зокрема розглядаються мотиви: безнадійність, замкнений простір, одноманітність (повторюваність), даремність людського існування, потрясіння, нереалізованість бажаного та ін. Зіставляються також тип персонажа та мотивні структури обох письменників.

Ключові слова: чеховський мотив, структура мотивів, тип персонажа.

Влияние творчества А. П. Чехова на развитие русской и мировой литературы бесспорно. В 68-м томе «Литературного наследства. Чехов» (1960), приуроченного к столетию со дня рождения писателя, в разделе «Чехов за рубежом» рассматривается проблема влияния Чехова на литературу и искусство Франции, США, Чехословакии; здесь же собраны и отзывы английских писателей и критиков о А. П. Чехове [11]. Влиянию Чехова на мировую литературу посвящены и три книги 100-го тома «Литературного наследства. Чехов и мировая литература» (1 кн. – 1997; 2 и 3-я кн. – 2005), в которых систематизировано воздействие творчества Чехова на литературы Европы, Азии, Северной Америки, Австралии и Африки [12].

Не только ученые, но и сами писатели свидетельствуют о воздействии творчества Чехова на их собственную писательскую технику. Например, А. Беннет писал в своём «Дневнике» (запись от 26.02.1909): «Всё больше меня поражает Чехов, всё больше склоняюсь к тому, чтобы писать много рассказов в той же технике» [цит. по: 2, с. 7]. К. Мэнсфилд называла Чехова своим учителем [11, с. 802]. Среди преемников традиций Чехова в Германии нельзя не назвать Т. Манна, посвятившего русскому писателю и его роли в немецкой литературе XX века очерк «Слово о Чехове» [15]. Безусловно, весомый вклад в изучение влияния творчества Чехова на мировую литературу внесли русские эмигранты. Следует отметить фундаментальный труд Е. В. Спекторского «Чехов» (1930, Белград), статью М. Г. Курдюмова «Сердце смятенное» (1934, Париж), а также книги писателей-эмигрантов: И. А. Бунина «О Чехове. Незаконченная рукопись» (п.: 1955, Нью-Йорк) и Б. К. Зайцева «Чехов. Литературная биография» (1954, Нью-Йорк).

Влиянию Чехова на русскую литературу Серебряного века посвящены работы Т. А. Пахарева [18], Э. А. Полоцкой [20], В. А. Келдыша [8], В. Б. Катаева [7], Л. Силарда [22] и др. Чеховские традиции в литературе XX века рассматривают Т. Н. Рыбальченко [21], Е. Ю. Зубарева, [6], Ю. А. Букина [4], Н. В. Беляева [3] и др. В частности, ученые обнаруживают чеховские мотивы* в творчестве современных писателей В. Маканина, С. Соколова, В. Токаревой, В. Пелевина и др. По справедливому замечанию Волжского (А. С. Глинки), «С какой стороны ни зайди – наследие, оставленное Чеховым, громадно, оно будет цениться и переоцениваться, разрабатываться и изучаться» [5, с. 190].

* Чеховские мотивы – условное понятие, под которым подразумеваются ключевые мотивы, константные в творчестве А. П. Чехова.

В конце 1930-х годов С. Д. Кржижановский работает над статьей «Писательские «Святцы» Чехова» [28]. Автор рассматривает имена персонажей Чехова, проводя параллель с другими писателями. Позже, в журнале «Литературная учеба» выходит статья Кржижановского «Чехонте и Чехов. (Рождение и смерть юморески), 1940», в которой писатель анализирует раннее творчество Чехова с точки зрения юмора [9].

Однако анализ произведений Кржижановского с точки зрения творческого переосмысления и продления писателем чеховских мотивов отсутствует, что и обусловило **актуальность и цель** данной работы.

В автобиографии 1938 года, Кржижановский свидетельствует: «Четыре года работал как юрист. Затем постепенно отошел от судебной деятельности, выступая как лектор по театру и музыке» [30, с. 350]. При жизни писатель, к сожалению, практически не печатался. Осознавая факт несвоевременности своего писательского бытия, он записывает: «— Слава? Нельзя ли мне получить её после... ну, скажем, после смерти. Сейчас не до того» [29, с. 417]. Будучи образованным человеком («юридический факультет Киевского университета. Параллельно работал на филологическом факультете» [30, с. 350]), владея несколькими языками (польский, немецкий, французский, итальянский, английский [там же, с. 606]), Кржижановский увлечён чтением, прежде всего, классики. Нельзя не согласиться с замечанием В. Г. Перельмутера, что «размышления — письменные — Кржижановского о Шекспире или Пушкине, Шоу или Чехове, словом, о любом писателе, чьи сочинения попадают в магнитное поле его мысли и *расщеп пера* (использовано значение из новеллы Кржижановского «Жизнеописание одной мысли». — *И. К.*), непременно связаны с его собственными творениями, что он читает других так, как хотел бы — чтобы читали его самого» [там же, с. 499].

Исследователи Кржижановского указывают на переклички и сближения творчества писателя с художественными мирами Дж. Свифта [1, 13, 14, 17, 19 и др.]. Проблема же творческого преломления чеховских мотивов в новеллистике Кржижановского, к сожалению, не рассматривались. Не претендуя на полноту раскрытия темы, наметим основные векторы.

По наблюдению исследователей Л. И. Шестова, В. Б. Катаева и др., ключевым мотивом рассказов А. П. Чехова является **безнадежность**: «Чехов был певцом безнадежности. Упорно, уныло, однообразно в течение всей своей почти 25-летней литературной деятельности Чехов только одно и делал: теми или иными способами убивал человеческие надежды» [25, с. 185]. Действительно, мотив безнадежности в творчестве Чехова сопряжен с мотивами нереализованных человеческих надежд, замкнутого пространства. По замечанию А. Д. Степановой, «желания героев (и героинь) не выполняются. Чеховский человек, как правило, не обретает того, что хотел, но очень часто получает нечто противоположное или противоречащее желаемому» [23, с. 88].

В «Лекциях по русской литературе» В. В. Набоков выделяет типичного чеховского персонажа — это «неудачливый защитник общечеловеческой правды, возложивший на себя бремя, которого он не мог ни вынести, ни сбросить. Все чеховские рассказы — это непрерывное спотыкание, но спотыкается в них человек, заглядевшийся на звезды» [16, с. 332]. Волжский (А. С. Глинка) утверждает: «На одном полюсе Чеховского настроения — человек идеал и жизнь-мечта; на другом, вместо огромного простора земной шири — только давящая тяжесть житейской пошлости, тусклость и скука; вместо грезы о идеальном человеке, на простор огромного мира проявляющего все свойства и особенности своего духа, — только человек в футляре, вечно с зонтиком и в старых колошах, приниженный, обезличенный <...> и порою от этого становится страшно» [5, с. 189].

Именно этот изображенный Чеховым тип получает дальнейшую разработку в произведениях Кржижановского. Так, многие новеллы начинаются с изображения **героя-мечтателя**, который постепенно превращается в **обывателя**. Например, в начале новеллы «Квадрат Пегаса» (1921) герой апеллирует к звездам, вселенной («*вы думаете, мы в городке, среди освещенных лампами домиков? Нет, мы среди звезд <...> во вселенной*» [26, с. 93]). Через некоторое время персонаж погрязает в быте и теряет свою устремленность к мечте: «*Облетело <...> и юное счастье. И человек стал никнуть, увядать от дня к дню: в душе бесцветье, безлучье*» [там же, с. 97].

Подобный процесс (от мечтателя к обывателю) происходит с героем-повествователем новеллы «Чуть-Чути» (1922), который воодушевляется при виде женщины, он начинает видеть мир иначе: «*все под налетами новых смыслов, чуть сдвинуто, еле отклонено и странно ново*» [26, с. 84], «*Обычно мне лень было хотя бы взглянуть на нее (женщину), но сейчас, о, сейчас, чуть-чути, дежурившие у зрачков, честно делали свое дело: дурнушка, ну да, конечно, такая же, как и вчера, но чего же так расстучалось сердце*» [там же, с. 87]. Однако, порыв чувств вскоре угасает и мир вновь предстает в своем неприглядном виде: «*Еще мгновение и... и вдруг я увидел у самого глаза — грязно-рыжее пятнышко; рядом другое: веснушки <...> Дверь закрылась. Я оглянул комнату: обои — опять — опять в мертвых синих пятнах*» [там же, с. 88 — 89]. С угасанием чувств акцентируется и окружающее замкнутое и мертвенное пространство («минус»-пространство по В. Н. Топорову [30, с. 354]).

Герой новеллы «Квадратури» (1926) получает в подарок «узкий тёмный тюбик» [27, с. 450], а вместе с ним и возможность расширить комнату. Воодушевленный герой использует его и через некоторое время пространство действительно увеличивается: «*Все вещи были те же <...> но всё это расставлено непривычно широко внутри растянувшегося комнатного куба*» [там же, с. 453]. Но при этом пространство все равно остается замкнутым (куб). Герой задумывается о покупке новой мебели, однако время шло, а комната росла, и теперь герою хотелось лишь «*Собрать вещи и уйти. Бежать*» [там же, с. 459]. И вновь актуализируется замкнутое мертвое пространство: «*Он знал, что там, за спиной, расплзшееся черными углами мертвое, оквадатурированное пространство*» [там же, с. 460].

Процесс превращения мечтателя в обывателя происходит и с персонажем новеллы «Голова с поклоном» (1927). Отсутствие имени собственного (зафиксированное даже в названии) свидетельствует о безликости человека, который ни сам («к мыслям, ни мысли к нему: ни ногой» [26, с. 235]). И вдруг неожиданно, ему «*как ветром птицу, занесло мысль*» [там же, с. 235]. Но вскоре: «*прохватило мысль ледяным веем, ударило морозными иглами: мысль простудилась, охрипла, осипла, а там и вовсе потеряла голос*» [там же, с. 235]. Персонаж вновь возвращается к своей бездумной обывательской жизни.

Мечтательность героев Кржижановского, как и героев Чехова, презентуют разговоры о **звездах**. Например, у Кржижановского: «*Посмотрите, Надя, на эту звездочку*, ведь на нас она смотрит <...> в небе звезды и в книгах черные звездочки*» («Квадрат Пегаса») [там же, с. 94]; у Чехова: «*Когда в лунную ночь видишь широкую сельскую улицу с ее избами, <...> на душе становится тихо; <...> кажется, что и звезды смотрят на нее ласково и с умилением и что зла уже нет на земле и всё благополучно*» («Человек в футляре», 1898) [32, с. 53]. Отметим, традиционные звёзды «являются знаком надежды, верности, возрождения, успеха в любом предприятии» [24, с. 179].

Даже несмотря на то, что герои пытаются расширить рамки своего пространства, меняя квартиру на дом («Квадрат Пегаса») или же используя чудо-тюбик («Квадратури») они все равно остаются в замкнутом пространстве, так называемом

* Здесь и ниже выделение наше. — И. К.

футляре: «стучали колеса телег: это Иван Иванович, с семьей, на четырех площадках переезжал в свой **собственный дом**» [26, с. 102]). Замкнутое пространство маркирует и нереализованные надежды чеховских героев. Например, в рассказе «Крыжовник» (1898): «три аршина нужны трупу, а не человеку. И говорят также теперь, что если наша интеллигенция имеет тяготение к земле и стремится в усадьбы, то это хорошо. Но ведь эти усадьбы те же три аршина земли» [32, с. 58].

Вслед за Чеховым, Кржижановский разрабатывает мотив **замкнутого пространства**, сопрягая его с мотивом безнадёжности и усложняя мотивную структуру. Устойчивая характеристика, передающая замкнутость, смысловую герметичность реализуется с помощью:

1) предметных деталей: *ставни, ящик, короб, спичечная коробка, комната, портфель, яма, могила, окоп* и др. Например, «**Ставни ... наглухо закрыты**» [26, с. 94], «**Меж задвинутых болтами ставен**» [там же, с. 95], «игрок бросил блик в **ящик**» [там же, с. 135], «**Внутри большого короба**» [там же, с. 98], «**ткнувшись портфелем <...> спичечная коробка**» [27, с. 449], «как они там у их **могильных ям** не перепутают – себя и их» [там же, с. 436], «**Окоп встречал молча**» [там же, с. 445] и др.;

2) геометрических фигур, в которых оказывается человек, и их имплицитных значений: *квадрат, прямоугольник, круг, куб*. Например, «**И гостей <...> ведут через пустые и темные комнатные кубы**» [там же, с. 604], «**Ломтики хлеба <...> кирпичиками поровну по кругу**» [там же, с. 605], «**Таков уж круг**» [26, с. 96]. Но наиболее часто, по нашим наблюдениям, автор использует квадрат и прямоугольник. Например, «**Кабинет был <...> прямоугольником**» [там же, с. 99], «**Душа, как глупый квадрат палисадника**» [там же, с. 97], «**Человек с зажатым под локтем портфелем ступил, качнув квадратный кузов двужолки, на подножку**» [27, с. 445], «**Квадрат стола, поверх него – квадрат раскрытой книги**» [там же, с. 543]. Напомним, что в своем символическом значении квадрат «Олицетворяет Землю как противопоставление кругу Небес <...> Квадрат – фиксация смерти как противопоставление динамическому циклу жизни и движения <...> Квадрат символизирует совершенный тип замкнутого пространства» [10, с. 131, 132].

3) характерных действий, совершаемых героями или с ними: *смыкаться, захлопываться, втиснуться, опускать, зацелкиваться, запереть, закрывать, срastаться, сбиваться, заколачивать, оторваться, держать, приковывать* и др. Например, «**Руки смыкались вокруг шеи человека**» [26, с. 96]; «**Створы <...> захлопнулись**» («Квадрат Пегаса») [там же, с. 96]; «**дверь закрылась**» («Чуть-Чути») [там же, с. 89]; «**будто зацелкивалась тысяча замков, запиравших их снова в мертвь и молч**» [там же, с. 86]; «**с калиткой, закрытой на ключ**» («Жизнеописание одной мысли», (1922)) [там же, с. 140]; «**рядом с заколоченными окнами**» («Страница истории», 1922) [там же, с. 223]; «**Нольде повел рукой – ткнулась в дерево: это был сбитый из досок ставень**» [там же, с. 223]; «**сросшиеся стенами, дома**» [там же, с. 223]; «**втиснул дверь в раму**» (Квадратурин) [27, с. 449]; «**разве я не прикован, как и он?**» («Прикованный Прометеем», 1922) [26, с. 245].

В чеховском рассказе «Человек в футляре» внешними маркерами ограничения чаще выступают детали обстановки и портрета: «**И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле из серой замши <...> и нож у него был в чехольчике, и лицо <...> в чехле...**» [32, с. 43] *И дома та же история: халат, колпак, ставни, задвижки...* *Спальня у Беликова была маленькая, точно ящик, кровать была с пологом.*» [там же, с. 45]. В новеллистике Кржижановского портретные описания, как правило, отсутствуют, что актуализирует деперсонализацию людей, угасание в них человеческого, усиление механически-мертвящего начала.

Мотив безнадёжности в произведениях Чехова и Кржижановского сопряжен также с мотивами **однообразия, повторяемости**. Например, у Чехова: «**перед вами мало-помалу открываются картины, <...>, громадные, бесконечные, очаровательные своим однообразием. Степь, степь – и больше ничего...**» («В родном углу», 1897) [31, с. 313]; у Кржижановского: «**И каждый вечер <...> она выезжала всегда <...> и всегда на соломенном настиле <...> опять потянулись**» («Чудак» 1922) [27, с. 435]; «**протянул – привычным движением – ногу**» [там же, с. 449]; «**За окном скрежет шарманки. Все как вчера, до последнего блика и пятнышка**» («Чуть-Чути») [26, с. 84]. В новелле «Сбежавшие пальцы» (1922) замкнутость жизненного процесса маркирует и «**методический самообразный бег от края до края (рояля. – И. К.), справа налево и слева направо**» [там же, с. 76], и само путешествие сбежавшей кисти пианиста, которая в финале возвращается к своему владельцу, тем самым завершая круг.

Авторов также сближает и мотив **бесполезности человеческого существования**. Деятельность замещается имитацией, её псевдорезультатом. В рассказе Чехова «Человек в футляре» сказано: «**А разве то, что мы живем в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт – разве это не футляр?**» [32, с. 53]. Подобное встречаем и у Кржижановского в новелле «Квадрат Пегаса»: «**Иван Иванович стал пересматривать набухшие за много лет бумажные кипы. <...> ворохи семейных и сослуживческих фотографий, потом... стопочка желтеющей бумаги**» [26, с. 99-100].

В творчестве Кржижановского встречается и чеховский мотив **потрясения**. Об этом мотиве у Чехова А. Д Степанов замечал: «герои осознают неправильность собственного поведения, неоднозначность обстоятельств, большую, чем им казалось раньше, сложность жизни в целом и т.д.» [23, с. 88]). После потрясения жизнь героев, как правило, не меняется, потрясение вскоре забывается, иногда даже на следующий день. Подобное переживают и персонажи Кржижановского. Например, герой новеллы «Квадрат Пегаса»: «**И вдруг Иван Иванович понял: все это вокруг – чужое, тысячи и тысячи раз надеванное кем-то, заношенное, затасканное миллионами глаз и измоченное ими вконец. И эти вот зеленые обложки «Дел», и те фотографии каких-то детей и жены – все это напаянное, прокатное, обложка чужого скучного дела**» [26, с. 100].

Как и чеховские герои, персонажи новелл Кржижановского испытывают крушение надежд. У обоих авторов прослеживается мотив **нереализованности желаемого**, запланированного. Так в новелле Кржижановского «Путешествие тени» (1927) план обойти всю землю так и останется замыслом. Следует отметить, что происходит это из-за отсутствия целеустремленности, настойчивости, постоянства, воли. Человек как личность, растворяется, исчезает, замещается Тенью, которая становится главным персонажем. Но даже и Тень отказывается от задуманного: «**от камешка до черепка, с черепка до пня, оттуда в два дня – по темному бору в гору – в город – а там с береза и день-деньской долгим ползком сквозь Москву по Тверской – шасть мимо кассы <...> вокруг всей земли. <...> Уж и назад? – удивился муравей <...> Тень: – «Раздумалось»**» [26, с. 198, 199].

Изображенный Чеховым тип **человека заурядного**, незначительного и незаметного (например, «Смерть чиновника», 1883) находит своё дальнейшее воплощение и развитие в уже упомянутой новелле Кржижановского «Голова с поклоном»: «**Жила-была голова с поклоном. Чуть что – шапку с темени: будьте столь – не окажете ли – почту за, – и выкланяла голова себе бобры на темы и бобры под щеки**» [там же, с. 235]. Синекдоха и последующая персонализация части тела вместо человека, усиливает деконструктивную модель распадающегося на части мира.

О типичности изображенных Чеховым явлений размышляет и сам автор: «**И в самом деле, Беликова похоронили, а сколько еще таких человек в футляре осталось, сколько их еще будет!**» [32, с. 53].

Таким образом, анализ творчества Кржижановского демонстрирует широкий спектр чеховских мотивов в произведениях автора: безнадежности; замкнутого пространства; однообразия (повторяемости); бесполезности человеческого существования; потрясения; нереализованности желаемого. Развивается и разрабатывается тип заурядного (незаметного) человека, что сопряжено с актуальностью поднятой писателями философской и моральной проблематики. У обоих авторов изображается процесс превращения человека-мечтателя в обывателя. В ходе исследования были установлены сближения в мотивных структурах, в частности, в реализации мотива замкнутого пространства.

Перспективность исследований видится в последующем углублении заявленного аспекта проблемы.

Литература:

1. Автухович А. Традиции философской прозы XVIII века в творчестве С. Д. Кржижановского / XVIII век: литература как философия, философия как литература: Научный сборник / Под ред. Н. Т. Пахсарьян. – М.: Экон-Информ, 2010. – С. 473–480.
 2. Алданов М. А. Предисловие // Бунин И. А. О Чехове. Незаконченная рукопись / М. А. Алданова. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. – С. 7–20.
 3. Беляева Н. В. Чеховский текст в прозе В. Пелевина. / Н. В. Беляева // Русская литература. Исследования. – К., 2010. – Вып. 14. – С. 34–55.
 4. Букіна Ю. О. Чеховские мотивы в творчестве В. Токаревой / Ю. О. Букіна // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур. Пам'яті академіка Леоніда Булаховського. Зб. наук. пр. – К.: Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, 2010. – Вып. 12. – С. 229–236.
 5. Волжский (Глинка А. С.) Из мира литературных исканий // Волжский. Сб. статей. – СПб.: Издание Д. Е. Жуковского, 1906. – 402 с.
 6. Зубарева Е. Ю. Саша Соколов и Чехов: К вопросу об особенностях литературных связей / Е. Ю. Зубарева // Молодые исследователи Чехова. Материалы и тезисы научной конференции (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, Чеховская комиссия РАН, 27-29 января 1993 г.). – М., 1994. – С. 54–55.
 7. Катаев В. Б. Реализм и натурализм / В. Б. Катаев // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): Книга 1. ИМЛИ РАН. – М.: Наследие, 2000. – С. 191–258.
 8. Келдыш В. А. Реализм и неореализм / В. А. Келдыш // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): Книга 1. ИМЛИ РАН. – М.: Наследие, 2000. – С. 390–456.
 9. Кржижановский С. Д. Чехонте и Чехов. (Рождение и смерть юморески) / С. Д. Кржижановский // Литературная учеба. – М., 1940. – № 10. – С. 67–87.
 10. Купер Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. – М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1995. – 401 с.
 11. Литературное наследие Чехов. – Т. 68. – М.: Издательство АН СССР, 1960. – 975 с.
 12. Литературное наследие Чехов и мировая литература. – Т. 100. В 3 кн. Книга 1. ИМЛИ РАН. – М.: Наука, 1997. – 640 с.
 13. Ливская Е. В. Философско-эстетические искания в прозе С. Д. Кржижановского: дис. канд. фил. наук: 10.01.01 / Ливская Евгения Валентиновна – Калуга, 2009. – 219 с.
 14. Лунина И. В. Художественный мир новелл С. Д. Кржижановского: человек, пространство, коммуникация: дис. канд. фил. наук: 10.01.01 / Лунина Ирина Валерьевна – Барнаул, 2009. – 166 с.
 15. Манн Т. Слово о Чехове. Собрание сочинений: в X т. / Т. Манн. – М.: «Государственное издательство художественной литературы», 1960.
 16. Набоков В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. – М.: Изд. Независимая Газета, 1999. – 440 с.
 17. Неминуший А. Н. Тело и эмоции в романе С. Кржижановского «Странствующее странно» // Знамя. – 2008. – № 5.
 18. Пахарева Т. А. Русская литература рубежа XIX – XX веков: Курс лекций: Учебное пособие / Т. А. Пахарева. – К.: Издательский Дом Д. Бурого, 2015. – 160с.
 19. Подина Л. В. Пространство и время в художественном мире Сигизмунда Кржижановского: дис. канд. фил. наук: 10.01.01 / Подина Лариса Вячеславовна – Самара, 2002. – 210 с.
 20. Полоцкая Э. А. Антон Чехов / Э. А. Полоцкая // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): Книга 1. ИМЛИ РАН. – М.: Наследие, 2000. – С. 390–456.
 21. Рыбальченко Т. Н. Маканин и Чехов: Приближаясь к интерпретации / Т. Н. Рыбальченко // Филологический класс. – 2010. – № 24. – С. 34–41
 22. Силард Л. Судьба реализма в литературе эпохи рубежа // Секей Н., Силард Л. Русская литература конца XIX – начала XX века (1890-1917). Том 2. – Будапешт, 1979. – С. 7–43
 23. Степанов А. Д. Чеховские мотивы в рассказах Элис Манро / А. Д. Степанов // Мир русского слова. – № 2. – 2014. – С. 85–90.
 24. Телицын В. Л. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / авт.-сост. В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, В. Л. Телицын; под общ. ред. В. Л. Телицына. – 2-е изд. – М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2005. – 494 с.
 25. Шестов Л. И. Сочинение в двух томах / Лев Шестов. Т. 2. – Томск: Водолей, 1996. – 448 с.
- ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА**
26. Кржижановский С. Д. Собрание сочинений: в V т. Т.1. Сказки для вундеркиндов. Странствующее «Странно». Чужая тема. Штемпель. Москва. / Сост., подгот. текста и коммент. В. Перельмутера. – СПб.: Симпозиум, 2001. – 688 с.
 27. Кржижановский С. Д. Собрание сочинений: в V т. Т.2. Клуб убийц букв. Собрание сочинений. / Сост., подгот. текста и коммент. В. Перельмутера. – СПб.: Симпозиум, 2001. – 701с.
 28. Кржижановский С. Д. Собрание сочинений: в V т. Т. 4. Поэтика заглавий. Философема о театре. Сираны, которых нет. Фрагменты о Шекспире. Искусство эпитафии (Пушкин). Драматургические приемы (Бернард Шоу). / Сост. и коммент. В. Перельмутера. – СПб.: «Симпозиум», 2006. – 848с.
 29. Кржижановский С. Д. Собрание сочинений: в VI т. Т. 5. Театр. Не включенное в авторские проекты книг и незавершенное. Ненаписанное. Juvenilia. / Сост., подгот. текста и коммент. В. Перельмутера. – СПб.: «Симпозиум», 2010. – 638с.
 30. Кржижановский С. Д. Собрание сочинений: в VI т. Т. 6 / Сост., подгот. текста и коммент. В. Перельмутера. – СПб.: «Симпозиум», 2013. – 688с.
 31. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. – Т.9. [Рассказы. Повести], 1894 – 1897 / Текст подгот. и примеч. сост. А. Л. Гришуниной, Т. И. Орнатская, Э. А. Полоцкая; Ред. тома А. С. Мясников. – М.: Наука, 1977. – 544 с.
 32. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т., Т. 10. [Рассказы, повести], 1898 – 1903 / Текст подгот. и примеч. сост. М. П. Громов, Л. М. Долотова, В. Б. Катаев, А. С. Мелкова, Л. Д. Опульская, Т. И. Орнатская, Т. В. Ошарова, Э. А. Полоцкая, А. П. Чудаков; Ред. тома Н. И. Соколов. – М.: Наука, 1977. – 496 с.